

О.Ф. Базинер

О малярии в древнем Риме

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
О-11

О-11 **О.Ф. Базинер**
О малярии в древнем Риме / О.Ф. Базинер – М.: Книга по Требованию, 2024. – 44 с.

ISBN 978-5-4241-4187-4

ISBN 978-5-4241-4187-4

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

году Klebs'омъ и Tommasi-Crudeli новой теоріи о причинѣ происхожденія маляріи и о представляющихся въ наше время способахъ борьбы съ нею.

Какъ ни заманчива, однако, эта теорія, и какъ многое ни говорить въ пользу ея, тѣмъ не менѣе утвержденіе Klebs'a и Томмази-Крудели о томъ, что „*bacilli malarіae*“, найденные ими, а также другими изслѣдованіями, какъ Маркіафава, Кубони, Ланци, Терриджи и Скиавуцци ¹⁾, не только въ почвѣ, но и въ воздухѣ и въ болотной водѣ малярійныхъ мѣстностей, являются причиною перемежающихся лихорадокъ, не можетъ считаться вполнѣ доказаннымъ. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ еще не были наблюдаемы достовѣрные случаи нахожденія этихъ бациллъ въ крови больныхъ маляріею, а сдѣланные Скиавуцци опыты прививанія кроликамъ культивированныхъ *bacilli malarіae*, послѣ которыхъ эти животныя заболѣвали лихорадочными пароксизмами, а селезенки ихъ оказывались увеличившимися, и кровяные шарики измѣненными подобно тому, какъ измѣнены кровяные шарики всѣхъ больныхъ маляріею людей, эти опыты, говорю я, не были еще подтверждены другими изслѣдователями. Большинство теперешнихъ медиковъ, поэтому, уже не держится теоріи Klebs'a и Tommasi-Crudeli, а приняло другую, согласно которой причиною маляріи являются особые чужеродные микроорганизмы изъ животнаго царства, которые въ 1880 г. французскому ученому Лаверану ²⁾ удалось открыть въ красныхъ кровяныхъ шарикахъ больныхъ маляріею, и которые послѣдовавшими за нимъ изслѣдователями, въ особенности Маркіафавою, Челли, Гольджи, Councilman'омъ и Мечниковымъ ³⁾, были причислены къ protozoa или mycetozoa и прозваны ими *Plasmodia malarіae*. Согласно различнымъ ступенямъ своего развитія въ крови больныхъ маляріею людей, эти плазмодіи принимаютъ различ-

¹⁾ Marchiafava e Cuboni, Nuovi studi sulla natura della Malaria, въ Atti dell'Accad. dei Lincei; classe di scienze fis., mat. e natur. Serie 3-a. Seduta del 2 Gennaio 1881.—Lanzi e Terrigi, Il miasma vegetale o malaria ed il clima di Roma. Memoria letta all'Accademia Medica di Roma il 24 maggio 1876.—Schia-vuzzi въ Rend. della Reale Accad. dei Lincei, 5 Dicembre 1886.

²⁾ Laveran: Traité des fièvres palustres, avec la description des microbes du paludisme (Paris 1884).

³⁾ Работы этихъ ученыхъ мнѣ извѣстны только изъ сочиненій Fraenkel'я Grundriss der Bakterienkunde (Berlin 1890), стр. 407 и сл., Uffelmann'a Handb. der Hygiene (Wien u Lpz. 1890), p. 624 sqq. и изъ специальныхъ изслѣдованій о маляріи Schelong'a, Die Malaria-Krankheiten (Berl. 1890), p. 105 sqq. и Pepper'a, De la Malaria (Paris 1891), p. 276 sqq.

ныя формы, имѣющія, по видимому, прямое отношеніе къ отдѣльнымъ фазисамъ болѣзни, а можетъ быть, даже раздѣляются на двѣ морфологически различныя породы, являющіяся причиною различныхъ формъ болѣзни, какъ *febris tertiana* и *febris quartana*. Какъ эти обстоятельства, такъ и тѣ факты, что во 1) *plasmodia malariae* являются единственными микроорганизмами, которые до сихъ поръ достоверно удалось найти въ крови больныхъ маляріею, что во 2) они всегда были найдены въ крови этихъ больныхъ, а никогда не были найдены въ крови больныхъ другими болѣзнями, что въ 3) прививаніемъ крови больныхъ маляріею можно заразить этой болѣзнию совершенно здоровыхъ дотолѣ людей, и что, наконецъ, въ 4) *plasmodia malariae*, послѣ ихъ усыханія (въ препаратахъ), могутъ быть унесены вмѣстѣ съ пылью воздуха и при этомъ все-таки не лишаются своей жизнѣнности—все эти факты, удостовѣренные многочисленными опытами и изслѣдованіями, говорятъ въ пользу того мнѣнія, что упомянутые микроорганизмы изъ животнаго царства являются причиною малярійной болѣзни. При этомъ, однако, слѣдуетъ замѣтить, что до сихъ поръ еще не удалось достовернымъ образомъ опредѣлить, гдѣ и при какихъ условіяхъ *plasmodia malariae* находятся и развиваются *внѣ* человѣческаго организма, и какимъ образомъ они проникаютъ въ человѣческую кровь. Въ виду этого я не могу не согласиться съ мнѣніемъ одного изъ самыхъ выдающихся гигиенистовъ нашего времени, профессора Уффельмана, полагающаго ¹⁾, что вопросъ о томъ, какая изъ выше изложенныхъ двухъ паразитарныхъ теорій о происхожденіи маляріи, теорія ли Klebs'a и Tommasi-Crudeli, или теорія Лаверана, вѣрна, пока еще не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ.

Принимая въ соображеніе эти новѣйшія теоріи объ этиологіи маляріи ²⁾ и имѣя притомъ въ виду тотъ фактъ, что малярійныя ба-

¹⁾ Uffelmann, l. c. p. 624.

²⁾ Совершенно особаго мнѣнія о происхожденіи маляріи держится нашъ соотечественникъ докторъ Николай Вендтъ, состоящій теперь врачомъ при Россійской миссіи въ Пекинѣ. Въ продолженіе многихъ лѣтъ, проведенныхъ имъ прежде въ Римѣ, г. Вендтъ самымъ тщательнымъ образомъ изслѣдовалъ римскую малярію и послѣ долгихъ поисковъ причинъ этой болѣзни пришелъ къ предположеніямъ, вторыя интересны уже потому, что идутъ въ разрѣзъ съ общепринятой теперь паразитарной теоріею о происхожденіи маляріи. Къ сожалѣнію, богатый матеріалъ наблюденій, собранный г. Вендтомъ при его изученіи римскихъ лихорадокъ, не былъ еще обнародованъ имъ, и только въ краткомъ письмѣ, которое

лѣзни или вызывающіе ихъ болѣзнетворныя организмы, то есть или *bacilli malariae* или такъ называемая *plasmodia malariae*, наиболѣе развиваются при извѣстной влажности земли и при извѣстной высотѣ температуры воздуха, а также нерѣдко появляются и водворются

онъ имѣлъ любезность написать мнѣ, и которое цѣликомъ приводится мною ниже, онъ успѣлъ изложить суть своей теоріи о маляріи. Вотъ что онъ пишетъ: „Портъ-Сандъ, 29 іюня (11 іюля) 1891 г. Многоуважаемый Оскаръ Федоровичъ, Вы спрашивали меня въ Римѣ, какое мое личное мнѣніе о маляріи. За неизмѣнимъ времени я обѣщался написать съ дороги. Уже первые мои поиски причинъ перемежающихся лихорадокъ привели меня къ предположенію о связи заболѣванія этими лихорадками съ влажностью воздуха и притомъ влажностью абсолютною, а не относительною. Наблюдая первоначально лишь относительную влажность, я не мало удивился, найдя ее въ Понтинскихъ болотахъ до крайности малою: 11—8%, и въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ, проведя лишь ночь, заболѣвали маляріей. Когда же я обратился къ психометру Августа, чтобы измѣрять абсолютную влажность, я нашелъ ее громадною. Повторяя свои изслѣдованія въ самомъ Римѣ, въ домахъ завѣдомо малярійныхъ, я и тамъ находилъ высокую абсолютную влажность, тогда какъ она была низва въ домахъ, гдѣ перемежающаяся лихорадка была неизвѣстна. Современное направленіе медицины — отыскивать причины какъ заразныхъ, такъ и міоматическихъ болѣзней въ низшихъ организмахъ. Клебсъ и Томмази-Крудели быстро нашли такой организмъ для заболѣванія перемежающейся лихорадкой въ растительномъ царствѣ и назвали его *bacillus malariae*; но такъ же быстро и пала ихъ теорія, какъ только Лаверану удалось подмѣтить въ красныхъ кровяныхъ шарикахъ больныхъ маляріею особое чужеродное существо, причисленное послѣдующими изслѣдователями къ protozoa. До сихъ поръ не удалось однако найти, какимъ путемъ индѣдряются эти паразиты въ кровь человѣка, а также не нашли ихъ ни въ воздухѣ, ни въ водѣ, ни въ почвѣ малярійныхъ мѣстностей. Я лично не могу признать ихъ причиною перемежающихся лихорадокъ, потому что количество ихъ, находимое въ крови больныхъ, не соотвѣтствуетъ ни силѣ, ни формѣ заболѣванія. Такъ я наблюдалъ въ Римѣ случаи злокачественной лихорадки (*perniciosa cholericæ, apoplectica*), гдѣ Маркіафава и Челли не находили въ крови ни при жизни, ни по смерти ни одного паразита, тогда какъ въ иныхъ болѣе легкихъ формахъ (*quotidiana, tertiana*) паразиты были находимы во множествѣ въ каждой изслѣдуемой каплѣ крови. Я полагаю, что они развиваются въ человеческомъ организмѣ, когда истинныя причины, вызвавшія перемежающуюся лихорадку, имѣли уже время такъ измѣнить составъ крови, что она не противодѣйствуетъ болѣе ихъ развитію. Въ чемъ состоитъ это патологическое измѣненіе крови — вопросъ еще открытій. Я склоняюсь къ предположенію, что подъ вліяніемъ причинъ перемежающейся лихорадки задерживается или измѣняется физиологическое отправленіе *кожи*, и притомъ кожа или не выдѣляетъ изъ тѣла нормально выдѣляемыхъ ею продуентовъ, которые снова воспринимаются кровью и патологически измѣняютъ ее, — или же кожа не вырабатываетъ веществъ, которые примѣшиваясь къ крови, обуславливаютъ нормальный ея составъ. Про нѣкоторые органы, напримѣръ яички, щитовидную желѣзу, уже извѣстно,

въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ прежде совсѣмъ не было, мы не можемъ не заинтересоваться вопросомъ, существовала ли малярія также въ древнемъ Римѣ, и если да, то въ какой степени она была развита и распространена тамъ, и какія мѣры принимались тогда для ея ослабленія.

какое вліяніе имѣеть ихъ физиологическое отправление на жизнь организма. Наблюденіе итальянскихъ простоголоудиновъ, что внезапная остановка испарины вызываетъ перемежающуюся лихорадку, и мои психометрическія изслѣдованія въ малярійныхъ мѣстностяхъ привели меня къ убѣжденію, что чѣмъ обильнѣе воздухъ абсолютною влажностью, тѣмъ труднѣе совершается процессъ выдѣленія кожей извергаемыхъ ею продуктовъ, и если притокъ крови къ кожѣ по какой либо причинѣ (ослабѣвшей дѣятельности сердца, усиленнаго прилива крови къ внутреннимъ органамъ, внезапнаго охлажденія тѣла и т. п.) уменьшился, то подъ вліяніемъ внѣшняго давленія влажности внутреннее давленіе въ кровяныхъ сосудахъ кожи становится недостаточно сильнымъ для выдѣляющей дѣятельности кожи. Я встрѣчалъ въ Понтинскихъ болотахъ интеллигентныхъ больныхъ, которые сами замѣчали остановку дѣятельности кожи и, чтобы предупредить пароксизмъ лихорадки, вызывали испарину бѣганьемъ или обильнымъ питьемъ горячаго кофе. Щелителная сила мышьяка, въ особенности въ хроническихъ случаяхъ заболѣванія маляріей, когда малѣйшая причина уже способна вызвать лихорадочный пароксизмъ, укрѣпляетъ мое мнѣніе въ главномъ участіи при этомъ кожи, такъ какъ мышьякъ самое дѣйствительное средство въ такихъ именно накожныхъ болѣзняхъ (psoriasis и др.), гдѣ испареніе доходитъ до minimum'a.

Что касается до вліянія влажности воздуха на заболѣваніе ревматизмами, то участіе кожи врядъ-ли можетъ быть подвержено сомнѣнію. Извѣстно также, что ревматизмъ получается преимущественно въ сырыхъ и холодныхъ мѣстностяхъ, а перемежающаяся лихорадка въ сырыхъ и теплыхъ. Средство ревматизма съ маляріей для меня несомнѣнно, да и сами римскіе врачи, не обинуясь, даютъ легкимъ случаямъ перемежающейся лихорадки названіе ревматической и съ успѣхомъ лечатъ ее салициловымъ натромъ вмѣсто хинина. Разъ заболѣвшій ревматизмомъ заболѣваетъ имъ впоследствии съ большею легкостью, совершенно какъ при перемежающейся лихорадкѣ. Изслѣдованія въ психометрическомъ направленіи покажутъ разницу въ условіяхъ заболѣванія той или другой изъ этихъ болѣзней, но покауда вопросъ еще не затронуть, а мои начинанія въ обходъ господствующей паразитарной теоріи не нашли сочувствія въ Германіи, гдѣ я, было, думалъ напечатать мои наблюденія, сдѣланныя надъ маляріей въ Римѣ. Предоставляя Вамъ право распорядиться моими строками по Вашему благоусмотрѣнію, съ чувствомъ глубочайшаго уваженія остаюсь Вашъ... Николай Вендтъ". Не будучи самъ медикомъ и не зная, притомъ, подробностей тѣхъ наблюденій, результаты которыхъ привели доктора Вендта къ вышеизложенной теоріи о происхожденіи малярии, я, конечно, не берусь судить, насколько эта теорія можетъ считаться правдоподобной или неправдоподобной. Крайне желательно, чтобы почтенный докторъ какъ можно скорѣе исполнилъ свое давнишнее намѣреніе и данное мнѣ обѣщаніе, напечатать весь собранный имъ матеріалъ наблюденій

Вопросъ этотъ не разъ былъ поднимаемъ въ новѣйшей наукѣ. Начиная съ извѣстнаго врача конца 16-го вѣка, Marsilio Cagnati, ¹⁾ примѣру котораго послѣдовалъ лейбъ-медикъ папы Климента XI, Ланчизи, ²⁾ многіе ученые ³⁾ касались этого вопроса, но всегда только вскользь, и ни одинъ изъ нихъ не давалъ себѣ труда собрать и критически оцѣнить всѣ тѣ свидѣтельства древнихъ писателей, которыя имѣютъ какое-нибудь отношеніе къ этому вопросу, и съ помощью которыхъ только и можно рѣшить его опредѣленнымъ образомъ. Такимъ небрежнымъ отношеніемъ къ дошедшимъ до насъ свидѣтельствамъ самихъ древнихъ и объясняется то, что относительно рѣшенія нашего вопроса до сихъ поръ, въ особенности въ итальянской литературѣ, царитъ довольно большая субъективность и запутанность взглядовъ. Одни ученые признаютъ, другіе же отрицаютъ существованіе малярии въ древнемъ Римѣ, а нѣкоторые полагаютъ, что она тамъ начала развиваться только съ первыхъ временъ имперіи. Матеріаль, доставляемый намъ древними писателями для рѣшенія этого вопроса и собранный мною, какъ я надѣюсь, въ полномъ видѣ, покажетъ, насколько правы или неправы вышеупомянутые ученые.

Я начну свой обзоръ съ императорскихъ временъ.

ній надъ римскою маляріею, и чтобы также другіе медики изслѣдовали причины перемежающихся лихорадокъ въ связи съ психометрическими наблюденіями, дѣлая эти послѣдніе не только въ Римѣ, но и во всѣхъ другихъ малярійныхъ мѣстностяхъ. А пока, паразитарная теорія о происхожденіи малярии, въ особенности теорія Лаверана и его послѣдователей, должна считаться единственной теоріей относительно интересующаго насъ вопроса, которая, будучи обоснована на цѣлой массѣ весьма вѣскихъ и убѣдительныхъ данныхъ, заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

¹⁾ Ср. его сочиненіе *De Romani aeris salubritate* (Romae 1599), въ которомъ климатъ Рима прославляется какъ весьма здоровый.

²⁾ Ср. его сочиненія *De nativis atque adventiciis Romani coeli qualitatibus etc.* (Roma 1711) и *De noxiis paludum effluviis eorumque remediis* (Roma 1717). И по мнѣнію Ланчизи, климатъ Рима самъ по себѣ здоровый, и только временами на него дурно вліяютъ испаренія болотъ окрестностей (въ особенности Понтинскихъ болотъ), доносимыя вѣтрами до города.

³⁾ Указать здѣсь всѣ сочиненія и брошюры (преимущественно итальянскія), въ которыхъ болѣе или менѣе вскользь затрогивается вопросъ о существованіи уже въ древнемъ Римѣ малярии, нѣтъ никакой возможности и надобности, въ виду громаднаго количества и ненаучнаго характера ихъ. Сравнительно наиболѣе обстоятельно и разумно трактовалъ объ этомъ вопросѣ *De Matthaeis* въ своей диссертации *Sul culto reso dagli antichi Romani alla dea Febbre*, напечатанной въ *Atti dell'Accad. rom. d'arch.* I (1821), 1, стр. 443—468.

Осенью приблизительно 731 г. отъ основанія Рима (то есть 23 г. до р. Хр.) поэтъ Горацій, находившійся тогда въ своемъ маленькомъ сабинскомъ помѣстьи, послалъ своему покровителю и другу Меценату въ Римъ письмо, въ началѣ котораго онъ говоритъ;

„Я обѣщался пять дней лишь въ деревнѣ пробыть, а весь августъ
Ты меня обманщика ждешь. Но если ты хочешь,
Чтобы я жилъ безболѣзненъ и совершенно здоровый,
То, какъ даешь ты больному, и полному страхомъ болѣзни
Отпускъ мнѣ дай, Меценатъ, на время, какъ первая смоква
И жара пошлетъ могильщику ликторовъ черныхъ,
Какъ родители всѣ за своихъ ребятишекъ блѣднѣють,
Какъ суета хлопотливая и заботы на рынкѣ
Всѣмъ лихорадки приводятъ и завѣщанья вскрываютъ“¹⁾.

Изъ этихъ словъ Горація мы узнаемъ, что поэтъ, заболѣвши въ Римѣ въ августѣ мѣсяцѣ, для излѣченія поѣхалъ въ свое помѣстье, находившееся въ сабинскихъ горахъ, приблизительно въ 10 миляхъ отъ Тибура (нынѣшняго Тиволи), пробылъ тамъ весь августъ мѣсяцъ и не хотѣлъ вернуться въ Римъ даже тогда, когда Меценатъ пригласилъ его поскорѣе пріѣхать къ нему. Причина, заставившая Горація отказаться отъ этого приглашенія, была его болѣзнь лихорадки, которой, по видимому, онъ недавно заболѣлъ въ Римѣ, и которая тамъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ того года, не менѣе сильно, а можетъ быть даже еще сильнѣе свирѣпствовала, чѣмъ въ августѣ, унося съ собою много человѣческихъ жертвъ, въ особенности дѣтей.—Эта свирѣпствовавшая тогда въ городѣ лихорадка имѣла, однако, не только ха-

¹⁾ Horat. Epist. I, 7, 1—9:

Quinque dies tibi pollicitus me rure futurum
Sextilem totum mendax desideror. Atqui
Si me vivere vis sanum recteque valentem,
Quam mihi das aegro, dabis aegrotare timenti,
Maecenas, veniam, dum ficus prima calorque
Dissignatorem decorat lictoribus atris,
Dum pueris omnis pater et matercula pallet,
Officiosaque sedulitas et opella forensis
Adducit febres et testamenta resignat.

Всѣ толкователи этого посланія относятъ его, также какъ и Epist. I 15, къ 731 году или къ одному изъ первыхъ слѣдовавшихъ за нимъ годовъ. Кассій Діонъ (LIII, 33, 4 и LIV, 1, 2) рассказываетъ, что въ 731 и 732 гг. въ Римѣ (а также въ другихъ мѣстахъ Италіи) свирѣпствовала эпидемія. Сопоставляя это свидѣтельство со словами Горація, я не могу не прійти къ предположенію, что, можетъ быть, упомянутая Кассіемъ Діономъ эпидемія была эпидемія малярии. Но объ этомъ будетъ рѣчь ниже.

рактерь случайной и лишь изрѣдка появлявшейся въ немъ эпидеміи, но была также эндемическою болѣзнью, которая тамъ постоянно господствовала, обнаруживаясь, по какимъ-то причинамъ, то съ большей, то съ меньшей силою, но никогда не прекращаясь вполнѣ. Подтверженіемъ этому служатъ довольно многочисленныя свидѣтельства древнихъ писателей императорской эпохи о томъ, что римскій климатъ былъ нездоровъ въ особенности въ концѣ лѣта и въ началѣ осени, и что въ это время года наиболѣе свирѣпствовала лихорадка (*febris*). Такъ, напримѣръ, Горацій въ одной изъ своихъ одъ ¹⁾, въ которой онъ проповѣдуетъ, что въ виду краткости жизни и неизбѣжности смерти слѣдуетъ наслаждаться первой, говоря объ Австрѣ, то есть южномъ вѣтрѣ, дувшемъ въ древнемъ Римѣ въ особенности съ половины августа до половины сентября (ср. Плинія *N. H.* II, 47, 124 и Ювен. 14, 130), называетъ его вреднымъ для здоровья вѣтромъ, а въ одной изъ своихъ сатиръ ²⁾ тотъ же поэтъ, удалившись изъ Рима въ свое сабинское помѣстье, считаетъ себя счастливымъ, потому что тамъ его „не губить ни Австръ свинцовый“ (*plumbeus Auster*, отягощающій члены какъ бы свинцомъ или—какъ еще можно объяснить это выраженіе — Австръ, покрывающій небо облаками свинцоваго цвѣта), „ни вредоносная осень, доходная злой Либитинѣ“, то есть богинѣ, олицетворяющей смерть.—И въ 16-омъ посланіи первой книги своихъ *Epistulae* Горацій восхваляетъ здоровый климатъ своего горнаго помѣстья въ такихъ выраженіяхъ, что нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ противопоставляетъ его вредному осен-

¹⁾ Horat. *carm.* II, 14, 15 sq. говоритъ, что въ виду неизбѣжности смерти
Frustra per autumnos nocentem
Corporibus metuemus austrum.

Подобнымъ образомъ въ *carm.* III, 23, 5 Горацій называетъ Африканскій вѣтеръ (*Africus*) «*pestilens*», а (въ 8 стихѣ) осень «*grave tempus*», хотя тутъ въ особенности по отношенію къ растительному царству. Также Палиній Стацій (*Silv.* I, 2, 27), описывая Соррентскую виллу Поллія Феликса и говоря, что тамъ «*insani spirant clementius austru*», мысленно противопоставляетъ, повидимому, Сорренту Римъ, гдѣ вліяніе Австра на состояніе здоровья жителей было весьма пагубно.—Эпитетами *noxius*, *nocens*, *nocuus*, *saevus*, *morbidus* и тому подобными обозначается Австръ и другими римскими писателями, а Плиній Старшій, говоря о вліяніи разныхъ вѣтровъ на здоровье, противопоставляетъ здоровому Аквилону нездоровый Австръ (*N. H.* II, 47, 127).

²⁾ Horat. *Sat.* II, 6, 18 sq.:

Nec mala me ambitio perdit nec plumbeus auster
Autumnusque gravis, Libitinae quaestus acerbae.

нему климату Рима. „Вотъ уголокъ дорогой“, говоритъ онъ въ этомъ посланіи о своемъ имѣнницѣ:

„Вотъ уголокъ дорогой и, если повѣришь, прекрасный.
Онъ ставитъ меня въ сентябрѣ предъ тобою здоровымъ“ ¹⁾.

Подобно Горацию, и другіе поэты временъ имперіи, какъ напримѣръ, Проперцій ²⁾, Вергилій ³⁾ и Ювеналь, жалуются на вредный осенній климатъ Рима. Послѣдній поэтъ въ третьей изъ своихъ сатиръ, въ которой мрачными красками описываются всѣ опасности и непріятности жизни въ столицѣ имперіи, сопоставляетъ вмѣстѣ и, такъ сказать, *ipso tempore* постоянно случавшіеся въ Римѣ пожары, обрушенія домовъ и тысячу другихъ опасностей съ публичными чтеніями разныхъ поэтовъ, не прекращавшимися даже въ августѣ мѣсяцѣ, то-есть, какъ я объясняю, въ такое время года, когда римскій климатъ былъ наиболѣе опасенъ для здоровья, Табъ какъ на эти чтенія поэтовъ обязательно должны были являться ихъ друзья и кліенты, то послѣдніе не могли выѣзжать изъ города, чтобы спастись въ болѣе здоровыхъ мѣстностяхъ ⁴⁾.—Еще болѣе опредѣлен-

¹⁾ Horat. Epist. I, 16, 15 sq.:

*Haec latebrae dulces, etiam, si credis, amoenae
Incolumem tibi me praestant Septembribus horis.*

²⁾ Propert. III, 24 (=II, 28), 1—6:

*Iuppiter, adfectae tandem miserere puellae:
Tum formosa tuum mortua crimen erit.
Venit enim tempus, quo torridus aestuat aer
Incipit et sicco fervere terra cane
Sed non tam ardoris culpam neque crimina caeli,
Quam totiens sanctos non habuisse deos.*

³⁾ Vergil. Aen. X 274 sq. говоритъ слѣдующее о Сиріусѣ, восходъ котораго древними относился или къ 18-му или къ ²³/₂₆-му іюля:

*Ille sitim morbosque ferens mortalibus aegris
Nascitur et laevo contristat lumina caelum.*

⁴⁾ Iuven. 3, 6—9:

*Nam quid tam miserum, tam solum vidimus, ut non
Deterius credas horrere incendia, lapsus
Tectorum assiduos ac mille pericula saevae
Urbis et Augusto recitantes mense poetas.*

Лишь при моемъ объясненіи этого мѣста, указывающемъ на то, что августъ былъ не только самый жаркій (какъ другіе толкователи объясняютъ), но и самый вредный и опасный для здоровья мѣсяцъ въ Римѣ, сопоставленіе Ювеналомъ чтеній поэтовъ, происходившихъ даже въ этомъ мѣсяцѣ, съ *incendia, lapsus tectorum* и другими *mille pericula saevae urbis* дѣлается вполне понятнымъ.

ное указаніе на вредный климатъ древняго Рима, а также другихъ мѣстностей Италіи, обнаруживавшійся въ особенности осенью, мы находимъ въ 4-ой сатирѣ того же поэта Ювенала, гдѣ онъ описываетъ, какъ одинъ рыбакъ изъ Анконы, поймавъ однажды громадную камбалу, со своей добычей поспѣшно отправился къ жившему тогда въ своей лѣтней резиденціи въ Альбѣ Лонгѣ императору Домиціану, когда, какъ говоритъ поэтъ,

„уже смертоносная осень морозамъ
Уступала, ужъ рѣже трепала больныхъ лихорадка,
Злая свистала зима и сохраняла отъ порчи
Свѣжій уловъ. Тотъ межъ тѣмъ сиѣшитъ, словно Австеръ торопитъ“¹⁾.

Тотъ же поэтъ Ювеналь въ своей знаменитой 6-ой сатирѣ, карающей всѣ пороки римскихъ женщинъ временъ имперіи, между прочимъ выводитъ типъ суевѣрно-набожной матроны, которая увлекается азіатскимъ культомъ Цибелы и настолько отдается во власть неистовыхъ жрецовъ этой богини, что одинъ изъ послѣднихъ, настоящій шарлатанъ, всячески эксплуатируетъ ея суевѣрную набожность и, напримѣръ, вдругъ на нее

„Громко кричитъ и велитъ сентября ей бояться и вѣтровъ
Южныхъ, если себя она сотней яиць не откупитъ
И не дастъ старья ему, цвѣта листвы виноградной,
Чтобы все то, что грозитъ внезапной и страшной бѣдою,
Въ эту одежду пошло, и за-разъ цѣлый годъ искупился“²⁾.

¹⁾ Juven. 4, 56—59:

iam letifero cedente pruinis
Autumno, iam quartanam sperantibus aegris,
Stridebat deformis hiems praedamque recentem
Servabat; tamen hic properat, velut urgeat Auster.

²⁾ Juven. 6, 517—521:

Grande sonat metuique iubet Septembris et Austri
Adventum, nisi se centum lustraverit ovis
Et xerampelinas veteres donaverit ipsi,
Ut, quidquid subiti et magni discriminis instat,
In tunicas eat et totum semel expiet annum.

Съ этимъ мѣстомъ Ювенала можно сравнить приведенный Горациемъ примѣръ религіознаго суевѣрія, имѣющій также отношенія къ римской лихорадкѣ (Sat. II, 3, 288—295):

‘Iuppiter, ingentis qui das adimisque dolores’,
Mater ait pueri mensis iam quinque cubantis.
‘Frigida si puerum quartana reliquerit, illo
Mane die, quo tu indicis ieiunia, nudus
In Tiberi stabit’, casus medicusve levarit

Въ другомъ мѣстѣ Ювеналъ, упоминая о современномъ ему врачѣ, котораго онъ выводитъ подъ именемъ извѣстнаго медика времени Августа, Темизона, основателя методической школы (ср. Haeser, *Gesch. der Medizin I*³, 268 sqq.), выражаетъ мысль, что трудно было бы сосчитать, „сколько больныхъ уморилъ Темизонъ за одну только осень“¹⁾. Если мы сравнимъ эти слова Ювенала съ другими, приведенными мною, свидѣтельствами о томъ, что въ концѣ лѣта и въ началѣ осени, начинавшейся, по опредѣленіямъ древнихъ (ср. Mommsen, *Röm. Chron.*², p. 300), съ 11-го (или 12-го) августа, и въ особенности въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ Римѣ наиболѣе свирѣпствовала лихорадка, то не можетъ подлежать сомнѣнію, что подъ больными, уморенными Темизономъ за одну только осень, подразумѣваются преимущественно люди, заболѣвавшіе этой лихорадкой. Такое предположеніе подкрѣпляется еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что у современника Ювенала, поэта Марціала, имѣется одна эпиграмма, содержаніе которой весьма сходно съ содержаніемъ только что приведенныхъ мною словъ Ювенала. Въ этой эпиграммѣ, написанной по поводу скоропостижной смерти нѣкоего Кара, можетъ быть, занимавшагося, въ качествѣ врача, преимущественно леченіемъ квартаны, то-есть, четырехдневной перемежающейся лихорадки, Марціальъ выражаетъ слѣдующую мысль:

„Болѣе Каръ ничѣмъ не грѣшилъ, какъ тѣмъ, что онъ умеръ
Отъ лихорадки, Максимъ; такъ же грѣшила болѣзнь.
Кабы по крайней мѣрѣ квартана его изнуряла!
Самъ онъ тогда бы попалъ въ руки врачу начкуну“²⁾.

*Aegrum ex praecipiti: mater delira necabit
In gelida fixum ripa febremque reducet:
Quone malo mentem concussa? timore decorum.*

¹⁾ Juven. 10, 221: Quot Themison aegros autumno occiderit uno.—Схолиастъ прииѣчаетъ къ этому мѣсту: *archiater illius temporis, cui detrahit*. Ср. также комментарий Mayor'a.

²⁾ Martial. X, 77:

*Nequius a Caro nihil unquam, Maxime, factum est,
Quam quod febre perit: fecit et illa nefas.
Saeva nocens febris saltem quartana fuisses!
Servari medico debuit ille suo.*

Какое изъ рукописныхъ разночтеній въ 3-мъ и 4-мъ стихахъ мы ни примемъ, въ 3-мъ *fuisses* (P Q Friedl.) или *fuisset* (E F ω Schneid.), а въ 4-мъ *ille* (P Q E X A F; Schneid. Friedl.) или *illa* (ω Munro), во всякомъ случаѣ эта эпиграмма содержитъ волкость, направленную противъ (какого-то) врача-шарлатана, занимавшагося специально леченіемъ квартаны.